

**ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
МЕЖДУ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМОМ И НЕОИНДУСТРИАЛИЗМОМ**
Characteristics of modern Russian society: between post-industrialism and neo-industrialism

С. Н. Некрасов, доктор философских наук, профессор
Уральского государственного аграрного университета
(г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, д. 42)

Рецензент: О. В. Коркунова, доктор философских наук, профессор

Аннотация

Рассматриваются типы цивилизационного развития. После традиционного общества возникают техногенные общества, порожденные развитием техники и науки. Россия всякий раз заново ориентируется на опережающее развитие, а поскольку постиндустриализм является тупиковой ветвью цивилизации, то Россия направлена на неоиндустриализм. С точки зрения теории модернизации общество «постмодерна» – это общество, в котором заканчивается история, и внешне оно выглядит как информационное, именно поэтому многие говорят о «конце истории» или «постистории». Противоположный взгляд на мир свободы как на мир культуры, лежащий над материальным производством, связан с прогрессистской традицией рассмотрения творчества, лежащего в основе прогресса человечества, возвышающегося над «грязно-торгашеской» материальной практикой и материальным бытием. Таково представление о неоиндустриализме, которое возникает в России.

Ключевые слова: временная рабочая схема цивилизационного процесса, постиндустриализм, неоиндустриализм, постэкономическое общество, креатосфера, пришествие «виртуальности».

Summary

The types of civilizational development are discussed. After a traditional society the industrial society comes generated by the development of technology and science. Russia just re-focused on rapid development, and since post-industrialism is a deadlock branch of civilization, Russia aims to neo-industrial. From the point of view of the theory of modernization of society “postmodern” is a society in which the story ends, and outwardly it looks as the information, which is why many talk about the “end of history” or “post-history”. The opposite perspective on the world of liberty a world of culture that lies over material production, associated with a progressive tradition of consideration of the creativity underlying the progress of humanity, rising above the “dirty mercenary” material practice and material existence. This is the idea of neo-industrial that occurs in Russia.

Keywords: temporary working scheme of the process of civilization, industrialism, neo-industrial, post-economic society, create-sphere, the coming of the “virtual”.

Временная рабочая схема цивилизационного процесса и ее преодоление. В качестве надежного источника понимания эволюционного процесса в российском обществе мы будем использовать «временную рабочую схему цивилизационного процесса», которая была изложена в пленарном докладе на Втором российском философском конгрессе 1999 г. в Екатеринбурге директором Института философии Российской академии наук, академиком РАН В. С. Степиным.

Академик утверждает следующее: «Мы привыкли мыслить в терминах марксистской формационной модели, и поэтому вопросы, что мы строили и строим, трансформируются в проблему – социализм или капитализм. Но для осмысления сегодняшних процессов нужны но-

вые средства и иной, более широкий масштаб. Придется размышлять о типах цивилизационного развития» [1, с. 8–9]. Общая схема исторического процесса В. С. Степина не оригинальна и повторяет выводы западных обществоведов: все страны мира проходят в своем развитии три стадии (у О. Тоффлера это «три волны») или три «типа цивилизационного развития» – традиционное общество, индустриальное (техногенное) общество и постиндустриальное информационное общество. Критерием для их выделения выбирается уровень развития производства, зависящий не только от уровня развития естественных и технических наук, непосредственно воплощающихся в производстве, но и от менталитета общества.

Несомненно, что традиционные общества были первыми в истории человечества: «Этот тип цивилизационного развития... возник сразу после того, как человечество вышло из стадии дикости и варварства первобытной эпохи. Древний Китай и Индия, Древний Египет, государства европейского Средневековья, общества мусульманского Востока и т. д. – все это образцы традиционных обществ. При всем их своеобразии они имели общие черты и характеризовались воспроизводством, часто на протяжении жизни нескольких поколений, сложившихся видов деятельности и соответствующих им фундаментальных социальных структур, доминированием традиций, мифологических типов мышления, жестким социальным контролем над личностью и ее растворением в корпоративных и клановых отношениях. Традиционные общества можно обнаружить и в XX в. К ним относились некоторые страны третьего мира, только начавшие путь индустриального развития. Традиционные общества длительное время были единственным типом цивилизационного развития...» [1, с. 9] Затем возникают техногенные общества, порожденные развитием техники и науки: «Главным фактором в этом типе цивилизации становится технический, а затем и научно-технический прогресс, который изменяет тип экономического развития и вместе с ним приводит к изменениям системы социальных связей и отношений людей» [1, с. 10].

Уральский историк западной философии А. В. Перцев пишет: «Однако сегодняшняя историческая ситуация в мире определяется тем, что техногенные цивилизации, существующие уже не только на Западе, но и на Востоке, снова ушли вперед. В 70-е гг. XX в. они осуществили научно-техническую революцию, которая обеспечила им небывалые, качественно новые возможности промышленного развития. В результате техногенные общества превращаются сегодня в постиндустриальные информационные общества. Очевидно, что такого перехода невозможно достичь только на пути развития естественных и технических наук, только на пути развития промышленности. Необходим поворот в мышлении, которое должно стать совершенно иным: ему следует интересоваться не только и не столько окружающей природой, чтобы превратить ее в сырье для промышленности, а человеком, его внутренним миром. Иными словами, от экологической катастрофы современный мир может спасти только поворот к человеку, гуманизация и гуманитаризация культуры, переход к новым ценностям» [2].

Признаки постиндустриального общества должны быть социокультурными. Вывод из сказанного становится неожиданным – признаки постиндустриального, информационного общества должны быть не столько технологическими, сколько социокультурными. В. С. Степин предполагает, что это общество «призвано создать условия для решения экологической и иных глобальных проблем, которые породило предшествующее техногенное развитие; в нем наиболее активно должен использоваться человеческий фактор, информационные, творческие возможности человека (в этом смысле иногда говорят об антропоцентрической цивилизации в противовес техноцентрической); оно характеризуется как общество перехода к доминированию нематериалистических ценностей, где происходит сдвиг от безудержного роста

вещественно-энергетического потребления к увеличению информационного потребления» [1, с. 13].

Закономерно возникает вопрос: чем же был Советский Союз и какова современная Россия? Если это исключительно индустриальные общества, то в них должны доминировать образ жизни и менталитет, соответствующие индустриальной эпохе, но раз образ жизни и образ мыслей в нашей стране не соответствуют тем, которые имеют место во всех нормальных индустриальных обществах, то это можно объяснить загадочной русской душой (что глупо и мистично – на Западе ужасаются по этому поводу, а на Востоке восхищаются) или же – ориентацией России на постиндустриальное развитие. Перцев считает, что в России не закончился период «догоняющего» развития. Мы же полагаем, что Россия всякий раз заново ориентируется на опережающее развитие, а поскольку постиндустриализм является тупиковой ветвью цивилизации, то Россия направлена на неоиндустриализм.

Иначе говоря, позиция сторонников постиндустриализма и догоняющего развития – чисто западная. А. Г. Дугин пишет: «Западная цивилизация рассматривает последовательность исторической смены типов общества по цепочке: традиционное общество (премодерн) – современное общество (модерн) – постсовременное общество (постмодерн) в качестве общеобязательного для всех явления и, исходя из такой убежденности, оценивает процессы, происходящие в других, незападных обществах. Отчасти этот анализ продуктивен, так как большинство незападных стран продолжают жить в системе традиционного общества, а активно распространяющееся в мире западное влияние волей-неволей привносит в них черты модерна или даже постмодерна. Другое дело, что навязанный Западом процесс модернизации сплошь и рядом никак не вытекает из логики исторического развития и коллективного самосознания тех народов, которые живут в традиционном обществе, а следовательно, необходимость перехода к Новому времени не доказывается, а волонтаристски навязывается Западом всем остальным или принимается как вынужденно оборонительная стратегия. Большинство стран приспособляются к модернизации или условиям постмодерна, чтобы окончательно не отстать от Запада или иметь техническую возможность при необходимости защититься от него („вынужденная модернизация“)» [3]. С этой точки зрения общество «постмодерна» – это общество, в котором заканчивается история, и внешне оно выглядит как информационное. Именно поэтому сегодня многие говорят о «конце истории» или «постистории» (Ф. Фукуяма, Ж. Бодрийяр).

Преодоление материального производства. Идея «царства свободы» личности как лежащего по ту сторону собственно материального производства и развивающегося на базе материального производства как своей объективной предпосылки была высказана в III томе «Капитала» К. Маркса. Если посмотреть на совокупность работ Маркса, то станет понятен его тезис о преодолении материального производства как снятии всей предыстории человечества. Взгляд на мир свободы как мир культуры, лежащий над материальным производством, связан с прогрессистской традицией рассмотрения творчества, лежащего в основе прогресса человечества, возвышающегося над «грязно-торгашеской» материальной практикой и материальным бытием. Таково представление о неоиндустриализме, которое возникает в России.

Идея о том, что свобода человека начинается там, где он перестает заботиться о материальном бытии и где может подняться над утилитарными потребностями, была хорошо известна со времен первых великих поэтов и ученых, заботившихся о ценностях, которые следует назвать культурными ценностями. Но для одних мыслителей было достаточно создать такой мир для избранных, другим было важно так изменить социальные условия, чтобы к творчеству оказалось причастно большинство.

Именно здесь проходит граница между теоретиками постиндустриального (информационного, постэкономического) общества, рассматривающими его как один из этапов развития мира отчуждения, продукт постепенной эволюции нынешнего капиталистического общества, и учеными социалистической ориентации, видящими в постиндустриализме скачок в «царство свободы» как переход, снимающий отношения отчуждения в социальном мире, переход к миру, где творческая деятельность обретает свою адекватную общественную форму – ассоциированного социального творчества. Видный неомарксист А. В. Бузгалин пишет: «В свою очередь, с точки зрения этой группы ученых (в том числе, для автора этого текста – прим. авт.) господствующая ныне форма утилизации творческого потенциала, высоких технологий и т. п., а именно, гегемония корпоративного капитала является тупиковой ветвью социальной эволюции, рождаемой „закатом“ предыстории (и позднего капитализма как ее последней фазы) [4]».

Причина такой трактовки проста: ресурсы мира культуры не потребляемы – они лишь подлежат распредмечиванию. Они могут выступать как феномены, с которыми можно вступать в творческий диалог. Эти «ресурсы», лежащие по ту сторону собственно материального производства, отрицают основные характеристики ресурсов и потребностей мира материального производства. Понятно, что и потребности людей в условиях нового мира становятся иными: они качественно безграничны, не утилитарны, но при этом они ограничены количественно, в отличие от утилитарных потребностей, которые количественно всегда безграничны (всегда хочется больше предметов потребления, или всегда нужно побольше ресурсов для производства большего вещного богатства).

Культурные ценности порождают иной мир потребностей, которые безграничны качественно, в том смысле, что человек никогда не ограничен данным кругом культурных феноменов. Он всегда стремится к новому, и эта новизна, не искусственная, а действительная творческая новизна является главным импульсом и главной ценностью.

Потребление в мире культуры. В мире культуры своего рода потребление, а на самом деле распредмечивание культурных ценностей предполагает сложную творческую деятельность, требующую времени, усилий, энергии от того, кто хочет эту ценность потребить. Бытие мира культуры в конце XX в. (в рамках господства экономической необходимости) приобретает специфические превращенные формы. Одна из них – бытие культурных ценностей как информационных продуктов, или еще уже – как информационных товаров. В этих условиях информация как продукт, товар, рассматриваемая с социально-экономической точки зрения, становится феноменом, который напоминает «овещненную» (от слова «вещь»), превратную форму культурной ценности. Культурные ценности в данном случае переносятся из сферы сотворчества и аксиологии в плоскость меркантильную и утилитарную: они становятся предметом материального производства и утилитарного потребления, трансакций.

А. В. Бузгалин показывает, что «информация с социально-экономической точки зрения (я говорю сейчас не о философском аспекте этой категории, а об информации как о товаре, т. е. о феномене, который постоянно используется в экономической жизни современного мира) становится той превратной формой, которая как бы „отрекается“ от своего содержания (а им является статус культурной ценности, результата и импульса сотворчества). Информация как объективный феномен создает видимость того, что это – продукт производства, что это – ресурс производства, что это – предмет потребления» [4]. Именно так мы получаем картину специфического мира, который фиксируется в понятии «информационное общество». Как следствие, информация становится не общедоступной всеобщей культурной ценностью, а объектом частной собственности, купли-продажи; развиваются такие феномены, как ком-

мерческая тайна, государственная тайна и другие многочисленные секреты – механизмы ограничения доступа к информации. Эта картина и есть информационное общество. Здесь информация может быть монополизирована как товар и как объект частной собственности государственными или иными институтами. Информация начинает распространяться преимущественно не в мире культурных ценностей, не в мире сотворчества, а в мире отчужденных социальных форм.

В структуре такого общества информационные продукты производятся, потребляются, распространяются в секторе воспроизводства превратных форм человеческой жизнедеятельности. В этом секторе существуют трансакции (торговля, финансы, страхование); государственно-бюрократический мир; военно-промышленный комплекс и связанные с ним образование, функционирование информации и контроля; массовая культура, где в действительности культурные ценности отсутствуют, а существует лишь информационный продукт, потребляемый для удовольствия.

Отчужденные общественные отношения в превращенных, точнее, превратных формах фиксируются в понятиях «информационного общества», «общества профессионалов», «охраны окружающей среды», «устойчивого развития». Именно эти модели фиксирует множество мэтров западной социологии. Но за ними скрыто эмпирически трудно различимое действительное содержание – генезис «царства свободы» и креатосферы (пространства и времени, мира культуры, сотворчества) как его основы. С этой точки зрения действительным миром, скрытым за образом информационного общества, оказывается креатосфера: «В этом смысле мы можем утверждать, что креатосфера как основа жизнедеятельности „царства свободы“ (постэкономического общества и т. п.) есть торжество, победа подлинной культуры (мира Сократа, Эйнштейна, Шекспира и десятков миллионов безвестных учителей...), развивавшейся в рамках „царства необходимости“ в процессе диалектической борьбы с отношениями отчуждения» [4].

На самом деле важно не материальное производство и утилитарное потребление и не специфика технологии, которая опосредует социальный диалог, а то, что этот диалог построен именно как сотворчество, то, что здесь происходит распредмечивание и опредмечивание культурных ценностей: взаимодействие может быть опосредовано книгой, оборудованием, компьютером и системой информационных сетей.

Сказанное позволяет сделать вывод, что в «царстве свободы», скрытом за покровом информационного общества, рабочим является время, которое необходимо затратить на репродуктивную деятельность. Свободным будет время творческой деятельности, общения, развития человека и его рекреации как личности. Отсюда совершенно не утопичной выглядит задача свободного всестороннего развития личности, сформулированная К. Марксом как сверхзадача для общества, снимающего противоречия капитализма, противоречия всей предыстории. В этом контексте мы можем – как это делают поверхностные постиндустриалисты – зафиксировать переход от индустриальной системы как вершины материального производства, производства вещей в рамках царства экономической необходимости, к новому типу общественного производства.

Креатосфера как царство свободы? Для развитого материального производства, где происходит переход от индустриального типа деятельности к деятельности, основанной на использовании постмеханических форм движения материи, развитие процессов обобществления может и должно протекать при подвижности, гибкости, но растущей взаимозависимости производственных систем.

С точки зрения марксистской парадигмы товарное производство подразумевает обособление труда, а также отчуждение продуктов и мотива деятельности от непосредственного производителя, в то время как творческий труд по своему содержанию является всеобщим и предполагает, что мотив деятельности и ее цель состоят в развитии человека в процессе труда, в процессе сотворчества, опредмечивания и распредмечивания культурных ценностей, и этот результат не отчуждаем. Таким образом, креатосфера – это такой новый мир, в котором, в частности, отрицается один из фундаментальных законов рынка – закон стоимости (в области явления – фиксируемая в *economics* связь: чем выше спрос, тем выше цена). Для культурных ценностей характерна иная связь: чем большее количество пользователей заинтересовано в распредмечивании созданной вами культурной ценности, тем ниже удельные издержки на ее создание, которые должен компенсировать каждый пользователь. Противоположность ценностных оценок рыночного мира и мира культурных ценностей оказывается абсолютно очевидной. В рыночном мире рост спроса на продукт вызывает увеличение его цены для потребителя. В мире культурных ценностей повышение ценности вашего продукта приводит к тому, что его себестоимость снижается, в пределе стремится к нулю.

Такие оценки принципиального различия мира свободы и мира необходимости характерны не только для марксистов, но и для «новых левых», последние мечтают о радикальных альтернативах – именно так и называется их ведущий российский журнал: «Близким к кругу идей, связанных с контркультурой, является и присущий „новым левым“ корпус оппозиций „игра – работа“, „управление – обладание“, „потребление – производство“, „творчество – рутинный труд“, „удовольствие как право – удовольствие как вознаграждение“ и т. п. Контркультурная ориентация „новых левых“, делающая в их глазах главной фигурой Художника, отталкивает их от проблем материального производства как от мира, который надо преодолеть и который – в коммунистическом (социалистическом) идеале „новых левых“ – будет преодолен. Эти оппозиции восходят к Г. Маркузе, который определил их как „формирование репрессивной цивилизации“, трансформацию (по З. Фрейду) „принципа удовольствия в принцип реальности“: от немедленного удовлетворения – к задержанному удовлетворению; от удовольствия – к сдерживанию удовольствия; от радости (игры) – к тяжелому труду (работе); от рецептивности – к производительности; от отсутствия репрессий – к безопасности» [5].

Более реальный рецепт социального переустройства фигурирует в современной марксистской мысли: «Реальная альтернатива такой системе не отказ от прогресса, а производство, основанное на демократическом планировании производства и непосредственно общественном владении, пользовании и распоряжении средствами производства. Целью такой системы станет не производство прибыли, а „производство“ общественного человека. Таким образом, снимется противоречие между целями производства и целью сохранения окружающей среды, которое мы отмечаем в современной экономической системе как неразрешимое. Значит, решение не в переходе к „постиндустриальному обществу“, которое предполагает только совершенствование технологии, но не условий и способов применения этой технологии, а в переходе к „пострыночному“, „посткапиталистическому“ обществу. Этот переход, который согласно гуманистической философской традиции является необходимым условием снятия отчуждения, создаст общественные условия для того, чтобы человек в каждой из сфер своей деятельности имел всеобщий закон в качестве метода, действовал со знанием дела, свободно; преобразовывал природу всегда в соответствии с ее собственными законами, а не по произволу» [6].

Пострыночное общество. Исчезает привычный индустриальный мир. В постмодернизме это выглядит как пришествие «виртуальности». Под последней понимают основную форму существования – не отвлеченную и вторичную схему реальности, но матрицу самой реальности. Виртуальность здесь выступает как нечто первичное по отношению к реальности. Мир в постмодерне виртуален по своей сути. Вместо истории как однонаправленного процесса общество постмодерна признает «постисторию» или «конец истории», когда развертывание событий перестает быть логически последовательным, но становится произвольным и случайным, причинно-следственные цепи нарушаются, культура замыкается в постоянном повторении уже пройденного.

С точки зрения западной социологии конец XX в. и есть третья стадия развития общества: постиндустриальная (П. Бьюкенен) [7], или технотронная стадия столкновения цивилизаций (С. Хантингтон) [8], или технологическая (Д. Гэлбрейт) [9], или информационная (Ф. Фукуяма) [10]. Переход от информационного общества к глобальной постиндустриальной цивилизации происходит в результате научно-технической революции. Причем главной целью постиндустриальной цивилизации выступает повышение творческого потенциала личности и ее информационной среды. Составляющие этой среды: медиатизация (процесс совершенствования средств сбора, хранения и распространения информации), компьютеризация (процесс совершенствования средств поиска и обработки информации), интеллектуализация (процесс развития способности восприятия и порождения новой информации, включая использование средств искусственного интеллекта). Однако главной проблемой становится изучение социального содержания этих процессов. В сущности, мы имеем дело со столкновением стихийно развивающихся новых производительных сил и консервативных общественных отношений. Из этого столкновения возможны два варианта развития общества: капиталистическая деградация с переходом к архаичному сословно-кастовому устройству общества [11] или переход к социалистическому синтетическому неоиндустриальному обществу [12]. Уточним, сегодня вопрос для стран, выбирающих между постиндустриализмом и неоиндустриализмом стоит так: варварство или социализм? Для России вопрос еще более актуален, учитывая ее социалистическое прошлое, а также социалистические корни русского традиционного общественного устройства. Такова историческая точка-аттрактант для нашего многонационального народа: социализм с русским лицом [13].

Библиографический список

1. *Степин В. С.* Поиск новых ценностей и стратегия развития России // Вестник Российского философского общества. 2000. № 1.
2. *Перцев А. В.* Жизненная стратегия толерантности: проблема становления в России и на Западе. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002.
3. *Дугин А. Г.* Обществоведение для граждан Новой России. М. : Евразийское Движение, 2007.
4. *Бузгалин А. В.* Неомарксизм (к теории социализма постиндустриальной эпохи: от тотальной гегемонии капитала к позитивной свободе) // Критический марксизм: продолжение дискуссий. 2-е изд. М. : Слово, 2002.
5. *Тарасов А. Н.* Революция не всерьез: штудии по теории и истории квазиреволюционных движений. Екатеринбург : Культура.Ультра, 2005.
6. *Шапинов В. В.* Империализм от Ленина до Путина. М. : Алгоритм, 2007. 248 с.
7. *Бьюкенен П.* Смерть Запада. М. : АСТ, 2003.
8. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

9. *Гэлбрейт Д.* Новое индустриальное общество. М. : АСТ. 2004.
10. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М. : АСТ. 2003.
11. *Гайдар Е. Т.* Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб. : Норма. 2010.
12. *Бузгалин А. В.* Ренессанс социализма : курс лекций, прочитанных в молодежном университете современного социализма. М. : УРСС, 2003.
13. *Елисеев А.* Социализм с русским лицом. М. : Алгоритм, 2007.